

Виктор ПЕСКОВ

Этого сухощавого бородача с затасканным мольбертом хорошо знают те москвичи, кто до сих пор еще проживает в полуживых малоэтажных домах и тихих, оставшихся от старой Москвы двориках. А он прекрасно знает эти последки прежней жизни. И пишет, пишет.

С тех пор как поселился в столице, прошло больше двадцати лет. По его собственному признанию, он — художник из российской глубинки — был сразу же покорен какой-то прежде ему неведомой, но мгновенно ставшей близкой сердцу задушевностью уголков уходящей Москвы. Владимиру Парошину ближе всего направление, которое было задано еще в прошлом веке Василием Поленовым, написавшим чудесный «Московский дворик».

Ходишь по персональной выставке В. Парошина, которая до 26 сентября

Последки останутся

Вел. Москва, 1998. 25 сент. - 1.6

«Прелюдия», 1995 год

продлится в Центральном Доме художника, и поражаешься, как этот сибирик глубоко проникает в ностальгическое настроение коренного уроженца Москвы, грустно расстающегося со своим детством, отрочеством, юностью. Глядя на любовно вы-

писанные сугубо городские виды с трогательными заборчиками, дворовыми палисадниками, заспанными фасадами старческих жилищ, отчетливо осознаешь, что это все — прошлое. Хотя еще и не совсем ушедшее, но для новых поколений — точ-

На холсте

но — прошлое в настоящем. И ты понимаешь, что со всем этим уйдет для тебя, уроженца московского, что-то родненькое. И что расставаться с ним хоть и жалко, а приходится.

Нынешним летом как-то расположился наш живописец в одном из облюбованных им двориков в районе Болотной площади. И пока набрасывал эскизы привлечшего его внимание двухэтажного особнячка, подкатила мощная стенобитная техника и прямо на глазах начала крушить это симпатичное, но ставшее уже никому не нужным строение. Пришлось лихорадочно завершать на полотне образ уходящего в небытие здания. Впоследствии, возможно, кто-то, увидя эту картину художника Владимира Парошина, вспомнит добрым словом и ее автора.

— Значительную часть своей жизни я посвятил тем укронным

уголкам старой исторической Москвы, от которых всерьез, возможно, и воспоминаний-то у последующих за нами поколений не останется, — говорит Владимир. — Мне интересно заходить в те дворы, которые я уже писал, лет пять спустя. Чувствуешь, как спешит жизнь. Видишь новые морщины на стенах, балконах, деревянных галереях этих дряхлеющих строений. И грустно, и очаровательно...

Нынешним летом Владимир Парошин опять много работал. И не только в Москве. Выезжал на Север, в тундру. Рисовал на Белом море, две недели «проробинзонив» на безлюдном острове. Некоторые из этих работ тоже демонстрируются на выставке в Центральном Доме художника.

Виктор ПЕСКОВ

Владимир Парошин:
«Жизнь спешит...»

Парошин Владимир

23.09.98